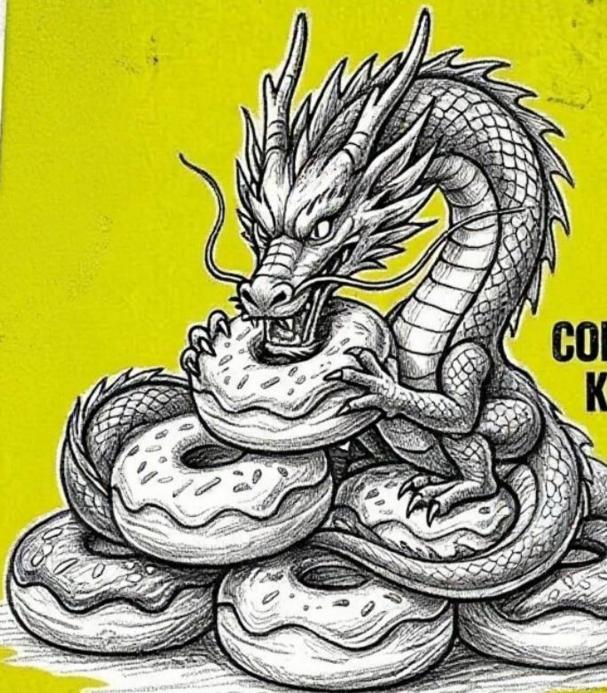

Роман глущенко

Собачий корм

СО
К

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Глущенко

Собачий корм

<https://litres.ru/74688812>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Собачий корм»

В шумном зале, среди криков фамилий, он выхватил её лицо — очки, каштановые волосы — и мир на секунду стал светлее.

Потом — тишина, что грызёт изнутри, и попытки не рассыпаться: стройка, гитара, дождь.

Андрюха рядом — без лишних слов.

Вова смотрит сквозь годы и просто кивает.

Коты верят, что ты вернёшься. Рисунок с драконом, один поцелуй под майским дождём — и ни слова про любовь, будто слова только всё испортят.

А вкус собачьего корма останется навсегда — нелепый, горький, свой.

Роман Глущенко

Собачий корм

Автобус тащился по трассе, как больной зверь — рывками, с хрипом, будто ему больно дышать. Антон Кубаха смотрел в окно, и мир за стеклом казался ему чужим чертежом: серые гаражи, столбы, пустые остановки — всё будто нарисовано дрожащей рукой. Он считал километры. Считал минуты. Считал, сколько раз за этот час он доставал наушники и снова прятал — будто музыка могла что-то объяснить, а потом вдруг становилась слишком громкой, слишком настоящей, и хотелось тишины. В плейлисте — «Гражданская оборона», «Король и Шут», старый инди-рок: песни, где смысл прячется между строк, как человек прячется от дождя. Антон любил это: искать смысл в каждом слове, в каждой аккорде, будто если он найдёт правильную формулу, то всё встанет на место. Рост — 175, худое телосложение, куртка спортивная, джинсы потёртые, причёска — будто он только что проснулся и не стал ничего поправлять. Таким он и был: немного не от мира сего, странный, живущий в своём ритме. Для кого-то — чужак. Для себя — человек, который пытается не потерять себя в этом шуме. И вот — колледж. Длинный коридор, запах хлорки такой плотный, что кажет-

ся, будто она не просто пахнет, а царапает изнутри. Хлор как граница: за ней — «нормальная» жизнь, списки, правила, «поступил/не поступил». А до неё — ещё можно верить, что ты сам решаешь, кем быть. Антон сел в самом конце. На последнем ряду, где никто не смотрит. Где можно быть незаметным. Он сжимал в пальцах мятый лист, а в голове крутилась одна мысль: «Если я сюда поступлю, это будет означать, что я сдался системе. Если не поступлю — что я провалился». И ни один из вариантов не был правильным. Потому что правильный — тот, которого не было в этих списках.

16 Августа Списки.

Списки зачитывали. Голоспреподавателя — ровный, безликий, как шум дождя по железной крыше. «Поступил... поступил... не поступил...» — и каждое слово падало в пустоту, как камень в колодезь. Антон почти не слушал. Он смотрел вперёд, туда, где в первых рядах сидела она.

Каштановые волосы. Очки. Тонкая дужка. Чуть опущенная голова — будто она хотела стать меньше, чем есть, спрятаться в собственном спокойствии. Дарья Ревальд. Имя, которое он даже не успел подумать, а оно уже стало для него чем-то вроде пароля к другому миру. В эту секунду всё изменилось. Хлор, списки, колледж, юридический — всё это вдруг стало фоном, статикой, которую можно выключить. А она — стала сигналом. Живым, тёплым, настоящим — она была единственной в этом коридоре, в этом городе, в

этой системе, которая не пахла хлоркой. В ней не было этой вытравленной пустоты. В ней было что-то живое, что-то, ради чего можно было дышать. Боль — потому что он не знал, как к ней подойти. Не знал, как не сломать эту хрупкость своими неловкими словами. Потому что он был странным, «не от мира сего», и боялся, что она увидит в нём только эту странность. И ещё — потому что любовь делала его уязвимым. А уязвимость в мире, где всё стремится тебя стереть, — это почти преступление. Хлор продолжал въедаться в стыки. В щели между надеждой и страхом. Он будто шептал: «Ты всё равно станешь таким же, как все. Ты всё равно смиришься».

Но Антон смотрел на каштановые волосы, на тонкую дужку очков, и в нём что-то сопротивлялось. Что-то шептало в ответ: «Не сегодня. Пусть не сегодня».

Он не знал, поступил он или нет. Ему уже было всё равно. Потому что теперь у него была другая цель — не вписаться в систему, а сохранить в себе то, что отзывается на её имя. Сохранить этот крошечный, хрупкий свет, пока хлор не вытравил и его тоже.

«Зачем я сюда поступил» — коридор

после оглашения списков Антон стоит у окна в пустом коридоре. За стеклом — серый двор, лужи, будто город умылся и остался таким же грязным. В воздухе — хлор, он будто пропитывает буквы на стендах: «Правила внутреннего распорядка», «График зачётов», «Обязанности студента». Он

прижимается лбом к холодному стеклу и шепчет, как заклинание, чтобы не сорваться на крик: — Зачем я сюда поступил... Я и не хотел. Ладно. Вообще я люблю музыку, гитару, творчество... Хотя нигде не учился — сам как-то. Слова звучат жалко и честно — как признание в слабости. Но в этом и сила: он не врёт себе. Хлор въедается в стыки плитки. Он везде: в белизне стен, в запахе тряпки уборщицы, в этих бесконечных списках. Хлор — это система, которая хочет сделать всех одинаковыми. Антон смотрит на свои руки — пальцы будто помнят гриф гитары, даже если сегодня он держал только мятый лист со списками. Ладно, поступил, — повторяет он тише, будто пробует слово на вкус. — Всё перемешалось. Когда я увидел Дарью, я даже не знал про неё ничего толком. Только что она с первой группы, а я со второй. И вдруг это становится главным: не списки, не колледж, а эта случайная несостыковка — они в разных группах, как два поезда, идущие мимо друг друга. Хлор шепчет: «Смирись. Стань как все». А Антон шепчет в ответ: «Не сегодня. Хлор въедается в стыки. В стыки между я хотел и я согласился. В стыки между мной и этим местом».

Я отстранённый, странный» — вечер в комнате, гитара и коты. У Антона маленькая комната в съёмной квартире. На подоконнике спит кот, второй трётся о ногу. На столе — гитара, дешёвые струны, распечатанные аккорды, которые он

подбирал на слух. Он сидит на полу, прислонившись к батарее, и пытается сыграть что-то своё — не песню, а ощущение. Пальцы скользят по струнам, звук выходит хриплый, неровный — как его мысли. — Я вообще отстранённый человек... Странный. Люблю музыку, творчество, котов. Как-то не планировал влюбляться — но так вышло. Кот поднимает голову, будто слушает не музыку, а интонацию. И в этой тишине, среди кошачьего тепла и пыльного света лампы, Антон впервые не чувствует себя «неправильным». Странность здесь — не дефект, а просто его форма. Он берёт ручку и пишет на полях нотной тетради: «Если бы мир был песней, он звучал бы как сбой. Как пауза, которую никто не замечает». Потом зачёркивает. Потом пишет снова. В голове крутится Дарья: каштановые волосы, тонкая дужка очков, как проволока, которую боишься погнуть. — Что я ей скажу? — шепчет он. — Привет, я странный, люблю котов и пытаюсь играть на гитаре... Смеётся коротко, без веселья. За окном город дышит выхлопными газами, а здесь — тишина, коты и его сбивчивая правда. И хлор, который не смог сюда проникнуть — или просто растворился в тепле комнаты. Хлор не живёт там, где есть коты и тишина. Он любит коридоры, списки, расписания — места, где люди становятся номерами».

Думал, отучусь и стану юристом» — разговор с куратором (внутренний конфликт)

Куратор — женщина средних лет, уставшая, но стараю-

щаяся быть «строгой, но справедливой». Она говорит про перспективы, про рынок труда, про то, что «творчество — это хобби, а профессия должна кормить». Антон кивает, но внутри всё сжимается. Вы ведь понимаете, Антон, что у нас серьёзное направление. Здесь не про эмоции, а про факты, нормы, статьи.

Он кивает. Кивает, потому что не знает, как сказать: «Я думал, отучусь, и даже соглашался с тем, что хочу стать юристом. А теперь понимаю — я просто хотел, чтобы кто-то сказал, что я нормальный. Что у меня есть план».

Но вместо этого он говорит другое:— А если я не хочу быть нормальным? Если я хочу писать песни и подбирать аккорды на слух?

Куратор смотрит на него не зло, а с усталостью человека, который сто раз слышал этот вопрос. Тогда тебе не сюда. Здесь учат думать одинаково.

Антон встаёт. Стул скрипит, как старая пластинка.— Ладно. Я понял.

Выходит в коридор. И снова — хлор. Он здесь сильнее, чем в кабинете. Он как доказательство: этот мир хочет, чтобы ты выбрал одну дорогу и шёл по ней, не оглядываясь. Антон достаёт наушники, включает «Гражданскую оборону» на минимальной громкости — так, чтобы слышать и музыку, и шаги в коридоре.

Музыка не даёт ответов. Но она даёт ритм — тот, в котором можно дышать, даже когда всё неправильно.

Хлор — это запах правил. Он говорит: Выбери одну дорогу. Не оглядывайся. Не сомневайся. А я оглядываюсь. И сомневаюсь. И это, наверное, и есть я».

БИБЛИОТЕКА. Первая попытка заговорить» — библиотека, случайная встреча Дарья сидит в углу библиотеки, листает учебник, время от времени поправляет очки. Антон стоит у стеллажа, делая вид, что ищет книгу, хотя не помнит даже названия. Сердце стучит так, будто хочет вырваться и подойти вместо него. Он смотрит на её волосы — каштановые, чуть светлее от лампы. На тонкую дужку очков. На страницу, которую она читает, — слова расплываются, он не может разобрать ни одного.

«Что сказать? Привет? Ты мне понравилась? Я странный, но не злой?»

Мысли мечутся, как кошки в тесной комнате. Наконец, он делает шаг. Ещё один. И ещё. — Ты... — начинает он, и голос звучит хрипло, будто он неделю молчал. — Ты не знаешь, где тут... ну, отдел периодики?

Дарья поднимает глаза. Не сразу, будто выныривает из текста. Улыбается — не широко, а так, что уголки губ чуть дрожат. — Там, в конце зала. Но он закрыт до завтра. Пауза. Секунда, которая тянется, как вечность. — А... ладно, — говорит Антон. — Просто... хотел спросить.

Она кивает, будто понимает, что он спрашивает не про периодику. — Бывает, — тихо говорит она. — Иногда просто

хочется с кем-то поговорить. Даже про закрытые отделы.

Он улыбается. Неуверенно, криво, но искренне.— Да. Вот именно. Они стоят друг напротив друга, и в этой тишине между ними нет хлора. Нет списков, правил, расписаний. Только запах бумаги, старых книг и чего-то живого.

Антон не говорит, что влюбился. Не говорит, что она стала его спасением и новой болью. Он просто стоит и дышит.

И этого пока достаточно.

Хлор отступает там, где кто-то просто улыбается. Там, где можно сказать бывает — и этого хватит, чтобы мир стал чуть светлее».

Пара, которая не укладывается в голове» Пара тянется, как липкая лента — прилипает к коже, тянет, но не держит. Преподаватель говорит что-то про нормы, про статьи, про «это база», а у Антона в голове — не формулы, а ритм. Он смотрит на доску, а видит не буквы, а такты. Он не дурак. Просто эта логика не ложится в его череп. Она слишком ровная, слишком белая, слишком вычищенная. Как стены, которые каждый день протирают хлоркой — чтобы не осталось ни пятнышка, ни следа, ни истории. А у него внутри — Даша. Не образ, не картинка, а как нота, которая звучит поверх всего. И поверх лекции, и поверх «надо учиться», и поверх «ты же хотел быть юристом». Пальцы сами по себе отбивают по колену какой-то сбивчивый бит. Он ловит себя на этом и резко замирает, будто его застали за чем-то стыдным. Но стыд

тут же рассыпается: ему не стыдно, что он сочиняет музыку. Ему стыдно, что он сидит здесь и делает вид, что это главное. Хлор въедается в стыки. В стыки между «надо» и «не могу», между «я согласился» и «я не хочу». И всё же он сидит. Потому что после пары она выйдет в коридор. И он увидит, как она поправляет очки. И этого хватит, чтобы день не стал совсем пустым.

Автобус аккорды квартира и коты. Час в автобусе — это не дорога. Это его единственное время, когда можно не притворяться. За окном — серые гаражи, столбы, пустые остановки, будто город специально выставил наружу всю свою изнаночную сторону. Антон достаёт телефон, открывает заметки и пишет строчку — не стихи, не текст, а просто кусок мелодии словами: «Серость липнет, но я всё равно слышу...» — и дальше не хватает слов. Он стирает. Пишет снова. В наушниках — «Гражданская оборона». Не громко, чтобы не мешали, но так, чтобы чувствовать вибрацию. Музыка не даёт готовых ответов, но она даёт ритм, в котором можно дышать. Он подбирает аккорды на слух — криво, не по правилам, зато по правде. И в этой кривизне есть что-то своё: будто если сыграть ровно, то это будет не про него. А если чуть мимо — тогда про него. Мысли снова съезжают к Даше. Он не знает про неё ничего толком. Только каштановые волосы, тонкая дужка очков, чуть опущенная голова — будто она прячет улыбку. И этого хватает, чтобы внутри всё

сжималосьи одновременно становилось шире. Автобус тормозит. Антон выдыхает. Выходит. И снова — хлор. Он встречает его прямо у дверей колледжа, как охранник, который проверяет: «Ты всё ещё свой? Ты всё ещё согласен быть как все?» Антон не отвечает. Он просто проходит мимо. Потому что у него в кармане — строчка, которую он дописал в автобусе. И она важнее любого ответа. Я приезжаю. Дверь хлопает, будто ставит точку в этом дне. В квартире — запах чая и той самой советской атмосферы: немного старой мебели, немного тишины, будто город снаружи орал, а здесь выдохнул и затих. Коты тут как тут: один прыгает на рюкзак, второй трётся о ногу, будто говорит: «Ты дома. Теперь можно не быть сильным». Я кидаю рюкзак, падаю на диван, закрываю глаза — и сразу она. Даша. Каштановые волосы, тонкая дужка очков, чуть опущенная голова, будто прячет улыбку. И тут же — другая мысль, колючая, как проволока: «А вдруг она думает, что я какой-то гопник? Грубый, резкий, наглый. Со стороны так и выглядит: растрепанные волосы, спортивная куртка, джинсы, взгляд, будто я со всеми спорю». А по-настоящему я не такой. Я добрый. Станный, да. Но не злой. Просто мир иногда кажется слишком громким, и я делаю лицо пожёстче, чтобы он не сбил с ног. Люблю музыку. Котов. Эту самую постсоветскую простоту — когда всё минималистично, без лишних украшений, но в каждой вещи есть история. В этом есть честность. Как в старых песнях: не про блеск, а про суть. Лан, мои мысли. Я встаю, ем, пью чай — он тёплый,

простой, и на секунду всё становится чуть понятнее. Потом сажусь за комп. Тут у меня что-то вроде самодельной студии: гитара, бас, клавиши. Всё не по правилам, не по учебникам — зато моё. Пальцы сами находят гриф. Сначала просто перебор, чтобы почувствовать струны. Потом в голове щёлкает ритм — не ровный, а такой, где паузы говорят столько же, сколько ноты. Я начинаю собирать музыку из этих пауз и ударов. Из того, как я иду по коридору. Из того, как она поправляет очки. Из страха, что я ей не понравлюсь. Получается не песня. Получается состояние. Рваное, живое, с шероховатостями. Я записываю демку — кривовато, но честно. И кладу на полку. Не потому что стыдно. А потому что это пока только для меня. Как дневник, который никто не должен читать. Хлор тут тоже есть — он живёт не здесь, а там, за дверью: в коридорах колледжа, в запахе улицы, в том, как город старается быть правильным и чистым. Здесь, в квартире, хлора нет. Здесь — коты, чай, старая атмосфера и моя сбивчивая музыка.

Утро.

Утро. Я просыпаюсь растрёпанный, будто и не спал, а просто перевёл дыхание. Одеваюсь, выхожу. Город уже холодный, осенний, честный: ни прикрас, ни улыбок. Просто ветер, листья, серость. Иду к колледжу — и вдруг вижу её. Да-

ша идёт навстречу, чуть наклонив голову, будто слушает не город, а что-то внутри себя. И в эту секунду весь мой внутренний шум становится тише. Остаётся только шаг, ещё шаг, и вот я уже рядом.— Привет, — говорю, и голос звучит чуть грубее, чем хотелось. Так всегда: когда внутри всё дрожит, снаружи делаешь лицо поспокойнее, а выходит резковато. Она поднимает глаза, улыбается — не широко, а так, что уголки губ чуть дрожат.— Привет. Мы поднимаемся на второй этаж. Болтаем обрывисто, о пустяках: про расписание, про то, что ветер сегодня злой, про какой-то смешной случай у гардероба. Слова не важные, но между ними — воздух, который стал теплее. Я смотрю на неё и думаю: «Она не думает, что я гопник. Она просто видит меня. И этого уже много». Расходимся по кабинетам. Дверь закрывается, коридор снова пахнет хлоркой, и мир опять становится серым. Но внутри — не пустота. Внутри — этот короткий разговор, её улыбка, ощущение, что на минуту всё было настоящим. На паре я сижу и не слышу преподавателя. В голове крутится одно: «Выйду — предложу встретиться после пар. Просто погулять. Или даже не гулять, а просто посидеть где-нибудь, где нет этого запаха хлорки, где можно говорить не об учёбе». Мысль дрожит, как струна, которую тронули и отпустили: хочется, страшно, нужно. Хлор шепчет: «Не надо. Ты странный. Она найдёт кого-то нормального». А музыка внутри шепчет другое: «Ты не обязан быть нормальным. Ты обязан быть честным». И я киваю сам себе. Пусть будет честно.

Пусть будет криво. Пусть будет по-моему. Пара заканчивается. Дверь аудитории хлопает, будто отрезает что-то лишнее — и тут же в уши врывается коридор: гул, шаги, эхо, и поверх всего — этот белёсый, въедливый запах хлорки. Он здесь как голос системы: «Ты в порядке? Ты как все? Ты не выделяешься?» Я выхожу в коридор, сразу ищу взглядом Дашу. Не потому что мне нужно что-то сказать — мне нужно просто увидеть, что она есть, что этот цвет, этот контур — настоящий, а не мне приснился между лекциями. Но её нет. Коридор вытягивает людей, как вода тянет песок: все текут к выходу, сливаются в один поток, и в этом потоке я не могу выцепить её каштановые волосы, тонкую дужку очков. Тогда я иду на улицу. За забор. Там привычно: пацаны стоят, курят, болтают о чём-то простом, без надрыва — про автобус, про преподав, про то, кто сколько сдал. Я подхожу, беру сигарету, делаю затяжку — не потому что тянет, а потому что так проще стоять, не выдавая, что внутри всё натянуто, как струна на морозе. И тут она выходит. Даша. В синей рубашке, с рюкзаком, тихая, будто старается не шуметь даже шагами. Прощается с подругами — коротко, без лишних слов, как будто бережёт голос для чего-то другого. Потом идёт мимо нас, мимо курящих, мимо этого мужского, грубоватого шума. Не смотрит. Или делает вид, что не смотрит. Скромно, спокойно, ровно. Она проходит. И в эту секунду мир становится плоским — как фотография, где всё на одном слое: пацаны, дым, асфальт, забор, её синяя рубашка,

удаляющаяся спина. И я замираю. Просто стою и смотрю ей вслед, и в голове крутится одна мысль, тугая, как узел: «Догнать или нет? Сказать хоть что-нибудь, пока она не ушла за поворот, пока не растворилась в этом сером дне?» Пацаны толкают по плечу:— Эй, Антон, ты чё завис? Смеюсь. Не по-настоящему, а так, чтобы сбросить это оцепенение.— Да не, всё нормально. Они смеются в ответ, кто-то тянет:— А, ну понятно. Смотри, а то уйдёт. И в этом «уйдёт» — не насмешка, а правда. Она действительно уйдёт, и если сейчас не сделать шаг, то останется только этот коридор, эта хлорка, этот день, который ничем не отличится от других. Жму руки пацанам:— Лан, пацаны, я домой. А сам иду за Дашей. Не бегом, но быстро, так, что в груди колет, будто я месяц не бегал и вдруг вспомнил, как это — спешить к чему-то живому. Подбегаю. Запыхавшись. И первое, что вылетает, — нелепое, честное:— Привет... Ой, мы уже здоровались. Она чуть улыбается. Не широко, а так, что видно: она понимает, что я не про формальности, я про что-то другое.— Ничего, — говорит. — Можно ещё раз. И я цепляюсь за это «можно» как за поручень в трясущемся автобусе. Мы идём вдоль забора. Шаги не в такт: я чуть тороплюсь, она идёт спокойно, будто знает, что спешить некуда. Ветер дёргает полы её синей рубашки, а я ловлю себя на том, что смотрю не на дорогу, а на то, как она чуть шурится от ветра — и в этом столько обычного, живого, что внутри всё сжимается. Я пытаюсь собрать слова, чтобы они не звучали как оправдание.— Тут всегда

ветер такой... будто специально проверяет, кто выдержит. Она чуть улыбается, не поднимая глаз — только уголки губ, и взгляд всё ещё чуть в сторону, будто ей спокойнее смотреть на тротуар, чем на меня. — Да. Он будто всё время хочет что-то унести. Листву, шапки, мысли... И вот это — про мысли — бьёт точно. Как будто она знает, что у меня в голове сейчас сплошной гул. Иногда хочется, чтобы он унёс лишнее, — говорю, и сам удивляюсь, что сказал это вслух. — А потом боишься: вдруг унесёт и нужное. Она наконец смотрит прямо — на секунду. Глаза спокойные, но в них мелькает что-то: интерес, любопытство, может, даже лёгкая настороженность — как у кота, который не убегает, но готов в любой момент сделать шаг назад. — Наверное, это самое сложное, — тихо говорит. — Понять, что лишнее, а что нет. Киваю, будто я тут мудрец какой-то, а не парень, у которого сердце стучит так, будто хочет выпрыгнуть и пойти рядом с ней. — Я вообще не мастер по таким разборам, — признаюсь. — У меня скорее всё сразу нужно. Даже то, что, наверное, не нужно. Она смеётся — коротко, тихо, как будто сама не хотела, но не смогла удержать. Это честно. И в этом «это честно» столько тепла, что мне вдруг становится легче дышать. Мы подходим к повороту. Здесь забор кончается, начинается двор, где всё какое-то домашнее: скамейки, кусты, подъезд с облупившейся краской. Всё самое обыкновенное. И она — самая обыкновенная, простая девчонка. Может, именно это меня и зацепило: в ней нет позы, нет желания казаться кем-то другим. О-

на останавливается, чуть наклоняет голову — так, что дужка очков чуть блестит на тусклом осеннем свете.— Тут мне надо, — говорит. — Дальше я сама. Я киваю, не спорю. Не хочу давить этим «давай я провожу», не хочу, чтобы она подумала, что я навязываюсь. Ладно. Тут нормально. Тут видно. Пауза. Секунда, когда воздух между нами становится гуще, будто в нём что-то рождается — не слово, не жест, а просто понимание: мы оба сейчас стоим и не хотим, чтобы это заканчивалось.— Слушай, — вдруг выдыхает она, будто решила на что-то маленькое, но важное. — Если ветер опять будет таким злым, можно просто постоять где-нибудь, где тише. Ну, не знаю... у гардероба, в библиотеке... там спокойно. У меня внутри всё замирает, а потом срывается в галоп. Это не «давай встречаться», это даже не «давай поболтаем». Это «можно постоять там, где спокойно». И для меня сейчас это больше, чем любое громкое признание.— Да, — говорю слишком быстро, потом сглаживаю: — Да, можно. Там спокойно. Она улыбается — уже чуть шире, но всё равно скромно, будто не хочет, чтобы эта улыбка стала слишком большой.— Тогда пока.— Пока. Она идёт дальше, ровно, спокойно, и я стою у поворота и смотрю, как она становится чуть меньше с каждым шагом. А внутри — не пустота, а какое-то странное, живое тепло. Бешено стучит сердце. Я не чувствовал такого никогда. И самое странное — она самая обыкновенная. Простая. Скромная. Без лишних слов. И именно это — её обыкновенность — вдруг кажется мне самым редким и

настоящим. Август, когда я её увидел в зале, короткий разговор в библиотеке, а теперь вот это — поворот, двор, её слова про тихое место. Между нами уже начинается химическая реакция — не яркая вспышка, а тихое, ровное тепло, которое появляется там, где двое перестают бояться сказать что-то простое. И я улыбаюсь сам себе, тихо, почти незаметно. Потому что впервые за долгое время день не кажется серым. Он просто обычный. И этого достаточно. Я иду к остановке, и каждый шаг будто чуть легче, чем должен быть. Как будто ветер, который ещё недавно толкал в грудь, теперь просто шепчет что-то сбоку — не зло, не грубо, а так, будто знает мой секрет и не собирается его выдавать. В голове крутится каждая её фраза, как заевшая строчка из песни, которую не хочется выключать. «Тут мне надо, дальше я сама». Если ветер опять будет злым, можно постоять где-нибудь, где тише». Я прокручиваю не только слова — я прокручиваю движения: как она чуть наклонила голову, как поправила дужку очков, как смотрела не прямо, а будто сначала на тротуар, потом уже на меня — будто давала себе секунду, чтобы решиться. И эта секунда для меня сейчас дороже любого уверенного взгляда. Улыбка. Не широкая, не для всех — только для этого момента, только для меня. И я собираю её по миллиметрам: вот уголок губ дрогнул, вот глаза чуть потеплели, вот она сама будто удивилась, что рассмеялась. Сажусь в автобус. Он дёргается с места, гремит, пахнет резиной и пылью, а я сижу у окна и не вижу ни гаражей, ни столбов, ни

серых дворов. Я вижу её. И понимаю: мы толком и не знакомы. Я знаю только цвет её волос, фасон рубашки, то, как она щурится от ветра. Но я уже в ней тону. Не как в чём-то ярком и оглушающем — а как в тишине, в которой вдруг становится слышно себя. И это пугает. Тонкая деталь, которую я сам замечаю только краем сознания: я растворяюсь в ней так же незаметно, как будто меня стирает что-то мягкое, но упрямое. Не хлор, не разъедание — а именно растворение: мои мысли всё чаще не про меня, а про неё. Что она подумает? Что ей покажется странным? Что заставит её снова чуть улыбнуться? Я пытаюсь держать контроль. В голове крутится: «Не тони. Не делай её центром всего. Ты ещё не знаешь её толком». Но сердце не слушает контроля. Оно просто бьётся в ритме её шагов, в ритме этих коротких фраз, в ритме того, как она сказала «можно постоять там, где спокойно». Это ведь почти приглашение. Почти. Или мне хочется так думать? Дверь квартиры хлопает за спиной, и город остаётся снаружи — весь его шум, весь его холод. Внутри — запах чая, полумрак, коты. Один тут же прыгает на колени, второй трётся о ногу, будто говорит: «Ты дома. Теперь можно перестать быть сильным». Падаю на диван, закрываю глаза — и вижу не потолок, не лампу, не старую полку. Вижу её. И вдруг понимаю, что мне хорошо. Не «ура, всё получилось», а тихо, глубоко, как бывает, когда после долгого холода наконец-то попадаешь туда, где тепло. На душе — не буря, а именно тепло. Счастье, которое не кричит, а про-

сто сидит рядом, как кот, и греет. И я шепчу себе, почти беззвучно:— Я тону. Очень сильно. Но пусть сегодня это будет нормально. Пусть я просто посижу в этом тепле и не буду пытаться всё сразу разобрать на части. Пальцы сами тянутся к гитаре. Не чтобы сыграть что-то готовое, а чтобы перевести это чувство в звук. Перебор выходит тихий, неровный, сбивчивый — как моё дыхание после того, как я догнал её у поворота. И в этой сбивчивости — правда. Правда о том, что я не знаю, что делать дальше. Правда о том, что она мне нравится. Правда о том, что мы почти не знакомы, а я уже строю в голове целые миры из её коротких фраз. Коты мурлычут. Квартира держит. Город шумит где-то далеко, за стенами. А внутри — она. Не как громкая мысль, а как тихий фон, на котором всё остальное звучит чуть иначе. И я улыбаюсь — сам себе, в пустоту комнаты.— Ладно, — шепчу. — Сегодня я тону. Но я дома. И это тоже важно. Не тонуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.